

Мы вернёмся к новой жизни. Только искалеченными

Яцек Палкевич любит русских. Как любой поляк

Является ли человек безусловным хозяином мира и собственной судьбы?.. Мысли об этом содержатся ещё в философском трактате «Рассуждения о самом себе», который римский император Марк Аврелий написал во время эпидемии оспы ещё во втором веке нашей эры. А реалии сегодняшних дней ещё больше подталкивают человечество к осмыслению и формулировке вневременных ценностей, актуальных для считающего себя благополучным западного мира, где нормой стало циничное безразличие к несчастьям, диктат безумной спешки, гонка за ростом производительности и потребления любой ценой. Об этом и многом другом размышляет наш сегодняшний гость, польский журналист и путешественник Яцек Палкевич.

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Яцек Палкевич, доктор географических наук, репортёр-первооткрыватель, член элитного Королевского географического общества в Лондоне. Живёт в Варшаве и в Бассано-дель-Граппа недалеко от Венеции. Ветеран пустынь и джунглей, бывал на всех широтах Земли, неумоимо добывая документальные свидетельства культуры исчезающих этнических меньшинств. Американский Newsweek включил его в список «Последнее поколение первооткрывателей». Он написал увлекательные страницы в книгу мирового приключенческого эпоса. В 1982 году основал в Италии первую в Европе Школу выживания. Исследовал границы человеческих возможностей в тяжёлых климатических зонах. Обучал спасателей МЧС и менеджеров по преодолению личностных барьеров в условиях экстремальных нагрузок. Академический лектор, читал лекции во многих престижных европейских и азиатских университетах. Декретом Президента Польши получил Рыцарский Крест ордена Возрождения Польши. Автор более 30 книг и сотен репортажей в известных европейских журналах. В России печатался в «Итогах», «Вокруг Света», «Московском комсомольце», «Комсомольской правде», National Geographic, Geo.

— Яцек, что происходит с миром? Тебе не кажется, что мы на этот раз окончательно свихнулись и уже никогда не вернёмся к нормальной человеческой жизни?

— Я испытываю опасения и не буду этого скрывать. Боязнь неумолимой угрозы вывела меня из равновесия и изменила моё видение мира. Живя в безопасные времена благополучия, мы, преисполненные гордыни, верили, что обладание инновационными технологиями и новаторской медициной делает нас непобедимыми. Однако природа дала нам осознать слабость науки и со всей беззастенчивостью обнажила нашу хрупкость. Коронавирус COVID-19 парализовал всю планету, навязал мрачный сценарий, перевернув с ног на голову повседневную жизнь. Он принёс страдание и фрустрацию, впервые поставив к стенке всех нас вместе: хороших и плохих, бедных и богатых, простых людей и знаменитости.

Благодаря коллективным усилиям по соблюдению противэпидемических ограничений, а также прививкам мы сможем добиться замечательного, благоприятного, знаменательного результата. У нас есть шанс победить опасный вирус, но у нас никак не получается одолеть другую инфекцию, вакцину от которой мы ещё не открыли. Зло, эгоизм и равнодушные интенсифицируют свою разрушительную работу в наших умах. Кроме того, нам приходится расплачиваться за недостаток уважения к природе, которая сильнее нас.

Хотел бы верить, что пандемия подтолкнёт нас к рефлексии, переоценке приоритетов и значения, которое мы придаём семье, друзьям и здоровью вообще. Одним словом, что она придаст нашей жизни новый, более глубокий смысл. Боккаччо, описывая в «Декамероне» чуму, опустошавшую Европу в XIV веке, напоминал, что мы — это одна общность, которая во времена страданий находит общий язык, познаёт

себя и, хотя сначала и проявляет признаки растерянности, потом в своей хрупкости находит силу для восстановления человеческих и общественных ценностей, которые, как казалось, «зараза» отберёт навсегда.

Закончилась некая эпоха и начнётся новая. Из сегодняшнего кошмара мы вернёмся к новой жизни, словно возрождающаяся из пепла мифологическая птица Феникс, но вернёмся мы искалеченными, и в новой действительности уже ничто не будет таким же, как прежде.

— Ты давний и надёжный сторонник добрых взаимоотношений России и Польши, которому часто доставалось за собственную мужественную позицию как с одной, так и с другой стороны. Изменились ли твои взгляды за последнее время?

— Конечно, нет. Но ни один польский политик, независимо от партийной принадлежности, даже если он русофил, публично не признается, что разделяет

мои взгляды. Это постыдное фарисейство, потому что в частных беседах все соглашались: надо искать пути к нормализации отношений между нашими странами. Ни я, ни кто-то другой не победит царства сверхлицемерной фальши. Я не боюсь идти против потока обиходных антироссийских оценок, исходящих из официальных СМИ, которые вместо диалога и попыток договориться возводят стену неприязни между поляками и русскими. Уже не призываю к потеплению отношений на щекотливом фронте Польша—Россия, а лишь подчёркиваю, что речь идёт об отношениях «поляки—русские». Это для меня серьёзный вызов, и я вижу смысл в своих усилиях, потому что с разных сторон слышу тёплые слова. Сталин утверждал, что «народ Страны Советов любит поляков, но власти Страны Советов имеют право ошибаться». А нобелевский лауреат поэт Чеслав Милош сказал: «Как любой поляк я люблю русских, но не люблю Россию». Это важно, поскольку власть и народ — это не одно и то же. По-разному воспринимаются «простые люди» и Россия как государство, что продиктовано чувством обиды за принудительную «советизацию» страны и репрессиями большевистских органов госбезопасности, созданных, по иронии, поляком Феликсом Дзержинским, родоначальником и покровителем российских чекистов.

Уверю вас, что поляки не русофобы. Не существует единого «хорошего» или «плохого» образа, обезличенная неприязнь к русским исчезает, когда встречаешь конкретного русского. Я хорошо знаю русских, путешествовал по вашей стране десятки раз, и мне не приходилось сталкиваться с недоброжелательностью. Очень часто встречались поляки настроенные предатели интеллигенции, с симпатией вспоминавшие, как во времена социализма «европейская» Польша являлась для них окном в мир. Очарование Польшей было связано с фильмами Анджея Вайды и Кшиштофа Занусси, сериалом «Четыре танкиста и собака», магазинными «Польская мода», наконец с популярностью в СССР польские певицы и актрис, таких как Анна Герман, Марьяля Родовиц, Беата Тышкевич или Барбара Брыльска. В то же время некоторые упрекали «гордых шляхтичей с вековыми традициями» за их склонность к пренебрежительности и великопарству. Не раз слышал от моих друзей критику таких черт поляков, как надменность, убежденность в своей исключительно-

сти, чрезмерный эгоцентризм, чуждая русским заносчивость. Моя знакомая молдаванка Ирина утверждает, что нет русского, который бы относился к Польше неприязненно. Но даже если у русского нет предубеждений, связанных со «старыми грехами» поляков в Москве в 1612-м или 1812 году, то его болезненно ранит демонтаж памятников героям войны.

— Я читал вырезки ведущих газет социалистического лагеря, писавших в 1975 году, что Яцек Палкевич избрал самый оригинальный способ бегства из «красной Польши». Ты в одиночку, только с компасом перелетел в спасательной шлюпке Атлантику. Расскажи про это.

— В детстве я выучил наизусть весь географический атлас и мечтал покорить мир. Когда-то обыкновенные люди не имели шансов поехать за границу, но я не отказывался от права на свободу. Страсть к путешествиям подвигла меня в 1970 году на нелегальное бегство за «железную завесу». Я оказался в Италии, создал там семью. Мне повезло. Я был свободен, имел «европейский» паспорт и мог осуществить своё кредо: «Жизнь даёт каждому столько, сколько он сам осмелится себе взять, а я не намерен отказываться ни от чего, что мне дано». Через пять лет я решил перелететь океан в роли добровольного потерпевшего крушение, без радио и секстанта. Намеревался доказать, что жертва морской катастрофы, располагая традиционной шлюпкой, может выжить, если не сдаётся. Потому что сила духа и жажда жизни в состоянии спасти каждого человека. То одиночное плавание стало путешествием вглубь себя, источником рефлексии о человеческой судьбе. Во время шторма я был отрезан от остального мира, не ел, не спал, дрожал от холода и страха. С каждым днём я терял силы. Боялся, что могу пасть духом, утратить инстинкт самосохранения. Мне было очень одиноко, перед лицом стихии я осознавал собственное ничтожество и мимолётность жизни, искал у Создателя утешения, надежды и ободрения. Молился, поскольку вера в критические моменты укрепляет дух. И я не сдался, когда повстречавшийся корабль предложил мне безопасность, сухую койку, тёплую пищу и гарантию возвращения домой. То самое «нет» у борта корабля я считаю ценнейшим уроком и главной победой в моей жизни.

— У тебя членский билет Русского географического номер семь. Ты дружил

с Туром Хейердалом, Юрием Сенкевичем. Что это было для людей?

— Да, это так. За заслуги перед Русским географическим обществом его председатель Сергей Шойгу вручил мне в 2010 году удостоверение возрождённого РГО. Я там первый поляк со времён Черского, Чекановского, Дыбовского... В исключительные для истории России времена перестройки я имел честь познакомиться и подружиться на всю жизнь с выдающимися людьми. С Сенкевичем нас с первого дня знакомства связали узы крепкой мужской дружбы. Возможно, потому что у нас были похожие детские воспоминания и пути познания географии. Будучи маленькими, оба любили часами просиживать над картой мира, мечтая об исследованиях и открытиях в забытых уголках Земли. За бутылкой хорошего грузинского вина мы провели не один вечер. Юра всегда говорил, что гордится своей польской родословной и первым снимает шляпу перед поляками. Как-то я спросил его, как он выдержал полгода в Антарктиде без женщин. «Мы их нашли на соседней американской станции, — улыбнулся он. — Практиковали бартер с «капиталистами». За баночки икры и меховые шапки мы получали стопки номеров «Плейбой».

Тур Хейердал был моим идеалом, образцом для подражания. В начальной школе я был поглощён его легендарной экспедицией на «Кон-Тики». В 1977 году он включил меня в список запасных команды тростниковой лодки «Тигрис». Но в плавание я так и не отправился, потому что никто из основного состава не был вычеркнут. Однажды, когда я гостил у него в Колла Микери на Лигурийском побережье, к моему удивлению, знаменитый мореплаватель признался, что никогда не чувствовал себя комфортно на воде.

Мне был близок ещё один россиянин, но он куда-то пропал... В своё время Артур Чилингаров утверждал: «Я горжусь тем, что Яцек считает меня своим другом». Но в какой-то момент он потерял память и забыл мою фамилию.

— Говорят, что в высотных кабинетах руководителей спецназа многих стран висят твои портреты. Так ли это и за что такая честь?

— Портретов на стенах не видел, но на письменных столах можно увидеть мои фотографии. Это результат многолетних международных тренировок под моим руководством. В эпоху нарастающей террористической угрозы высокую оценку получили нестандартные методики совершенствования сил, предназначенных для борьбы с ними. Потому что результативность операций по спасению и освобождению заложников зависит от уровня подготовки. Может статься, что даже прекрасно обученный боец, когда ему придётся действовать вдали от Европы, в рай-

онах с неблагоприятным климатом, не справится с задачей из-за нехватки знания чужого региона, менталитета местных жителей или специфической тактики.

Интенсивный тренинг требует стрессоустойчивости и решительности. Реалии его отражены в напутствии коменданта расположенного в городе Манаус тренировочного центра бразильской армии по ведению боевых действий в сельве: «Я не скрываю, что мы не дадим вам покоя, что мы сделаем всё, чтобы довести вас до предела выносливости. Для некоторых это воспитание война сельвы окажется преддверием ада, от которого может спасти только решительность и железная выносливость. Господа, желаю вам успеха!» Неудивительно, что окончание курса становится предметом гордости и является важным элементом в профессиональной биографии. О пользе таких курсов неоднократно высказывался Леонид Петров, президент Ассоциации социальной защиты ветеранов спецназа «Русь».

— Расскажи какой-нибудь забавный случай из твоей программы выживания для космонавтов.

— В тренинге по выживанию трудно найти забавные истории, там всё сурово и экстремально. Самые сложные моменты я пережил в ходе тренировок на ледяных просторах Арктики, где в царстве белизны небо сливается с горизонтом, что приводит к полной дезориентации. Ртутный столбик показывал минус 30 градусов, но при яростном ветре порядка 45 км / час по ощущению было в два раза холоднее, а это значит, что обморожение тканей на незащищённой коже человека начинается всего через 30 секунд. В этой крайне суровой среде нужно было показать, что выжить можно даже при мизерном запасе средств. Хотя у меня за плечами уже была экспедиция к полюсу холода в Оймяконе, где когда-то было зафиксировано минус 72 градуса, чувствовал я себя далеко не резво. Физиологи ещё не до конца изучили адаптационные способности человека в условиях экстремального холода. На вторые сутки все было на пределе. Донимали приступы сонливости, в голове был туман. Хотелось заснуть хоть на мгновение, но нельзя было этого допустить, потому что такой сон мог стать вечным. К счастью, спустя 48 часов «хождение по мукам» закончилось и мы могли попить горячего подслащённого чаю. Превратности судьбы забылись, появились робкие ростки блаженства.

— Ты написал много книг. О чём они? Действительно ли за некоторые из них Яцека Палкевича грозились уечь в тюрьму?

— Мои книги — главным образом, публицистика, репортажи из отдалённых уголков мира. Одну из них, «По

бездорожью мира», можно бесплатно скачать на русском языке на моём интернет-сайте (<http://palkiewicz.com/ksiazki/po-bezdorozu-miraebook/>). Несколько лет назад я настроил против себя шейха Дубая Мохаммеда бин Рашида Аля Мактума и был заочно приговорён к 6 годам заключения. Потому что написал книгу о Дубае, в которой сорвал золотую маску с этой «страны чудес», выявил тёмную сторону искусственного рая, контрастирующую со сказочными бытовыми условиями божественной касты этнических дубайцев,

Подпись 1

внуков безграмотных бедуинов. Я забирался в районы крайней нищеты, в гетто на окраине столицы, где в отвратительных условиях живёт армия азиатских гастарбайтеров. Это именно они за одно поколение рабским трудом вывели небоскрёбы пустынного Манхэттена. Нельзя было умолчать и об авторитарном строе, репрессиях против активистов борьбы за демократию, небоскопных арестах и шокирующих пытках.

Это судебное решение стало дополнением к смертному приговору, вынесенному мне «Аль-Каидой» более десяти лет назад. Я получил его за публичные высказывания против исламского напыля в Европе. Быть честным — моральный долг журналиста. Я показываю мир таким, какой он есть, а не таким, как его подают.

— Век географической пустоты, когда, казалось

бы, всё уже давно открыто и нанесено на карту, ты собираешь экспедицию и находишь исток Амазонки. Каково это — быть пионером?

— Поразительно, что в конце XX века, когда спутники могли сфотографировать каждый квадратный метр нашей планеты, в мире господствовало туманное и путаное представление о месте зарождения Амазонки. Двадцать пять лет назад я решил бросить вызов этой проблеме и под патронажем перуанского ВМФ и Русского географического общества организовал научную экспедицию. Она и установила по всем гидрографическим критериям исток самой протяжённой реки мира. На горе Кеуиша, в негостеприимной пустоши на юге Перу, на высоте 5150 м над уровнем моря, стоитobelisk в честь этого открытия, на котором начертаны

ства, где в прошлом держали речь выдающиеся исследователи и путешественники Николай Пржевальский, Николай Миклухо-Маклай, Фритз Хофмансен, Иван Папанин или Тур Хейердал. Я читал лекции в МГИМО, МГУ, Петербургском экономическом университете и в ряде других вузов. Президент Италии наградил меня за «существенный вклад в области географии» орденом Кавалера Респубблики.

— На предложение слушаймоу прохожему на улице Минска задать вопрос легендарному Яцеку Палкевичу я услышал: «Какова судьба дальнейших отношений народов Польши и России и что, в первую очередь, надо предпринять для их сближения?» Меня удивил тот факт, что этот парень о тебе знает и даже читал твою книгу.

— Для нас, людей доброй воли, было бы непростительной ошибкой не настаивать

на диалоге и нормализации. Существуют каналы сотрудничества, которые можно развить, например мир культуры. Необходимо задействовать разные сообщества, формирующие общественное мнение и правильные представления. Важную роль могли бы сыграть независимые СМИ. Хочу верить, что мы и наши российские соседи, не побоюсь сказать — друзья (а у меня их много в вашей стране), преодолеем нынешний кризис. А попытки искусственного создания прицина для разобщения наших народов не выдержат испытания временем. Я замечаю, что Европа уже устала от напряжённых отношений, главным образом из-за ущерба торговле. Аналитики не исключают реального сближения.

Беседу вёл Валерий Казаков